

ISSN 1991-3494

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ
ҰЛТТЫҚ ҒЫЛЫМ АКАДЕМИЯСЫНЫҢ

Х А Б А Р Ш Ы С Ы

ВЕСТНИК

НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

THE BULLETIN

OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES
OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

1944 ЖЫЛДАН ШЫҒА БАСТАҒАН
ИЗДАЕТСЯ С 1944 ГОДА
PUBLISHED SINCE 1944

4

АЛМАТЫ
АЛМАТЫ
ALMATY

2015

ШІЛДЕ
ИЮЛЬ
JULY

Б а с р е д а к т о р

ҚР ҰҒА академигі

М. Ж. Жұрынов

Р е д а к ц и я а л қ а с ы :

биол. ғ. докторы, проф., ҚР ҰҒА академигі **Айтхожина Н.А.**; тарих ғ. докторы, проф., ҚР ҰҒА академигі **Байпақов К.М.**; биол. ғ. докторы, проф., ҚР ҰҒА академигі **Байтулин И.О.**; биол. ғ. докторы, проф., ҚР ҰҒА академигі **Берсімбаев Р.И.**; хим. ғ. докторы, проф., ҚР ҰҒА академигі **Газалиев А.М.**; а.-ш. ғ. докторы, проф., ҚР ҰҒА академигі **Дүйсенбеков З.Д.**; а.-ш. ғ. докторы, проф., ҚР ҰҒА академигі **Елешев Р.Е.**; физ.-мат. ғ. докторы, проф., ҚР ҰҒА академигі **Қалменов Т.Ш.**; фил. ғ. докторы, проф., ҚР ҰҒА академигі **Нысанбаев А.Н.**; экон. ғ. докторы, проф., ҰҒА академигі **Сатубалдин С.С.**; тарих ғ. докторы, проф., ҚР ҰҒА корр. мүшесі **Әбжанов Х.М.**; физ.-мат. ғ. докторы, проф., ҚР ҰҒА корр. мүшесі **Әбішев М.Е.**; техн. ғ. докторы, проф., ҚР ҰҒА корр. мүшесі **Әбішева З.С.**; техн. ғ. докторы, проф., ҚР ҰҒА корр. мүшесі **Абсадықов Б.Н.** (бас редактордың орынбасары); а.-ш. ғ. докторы, проф., ҚР ҰҒА корр. мүшесі **Баймұқанов Д.А.**; тарих ғ. докторы, проф., ҚР ҰҒА корр. мүшесі **Байтанаев Б.А.**; физ.-мат. ғ. докторы, проф., ҚР ҰҒА корр. мүшесі **Давлетов А.Е.**; физ.-мат. ғ. докторы, проф., ҚР ҰҒА корр. мүшесі **Қалимолдаев М.Н.**; геогр. ғ. докторы, проф., ҚР ҰҒА корр. мүшесі **Медеу А.**; техн. ғ. докторы, проф., ҚР ҰҒА корр. мүшесі **Мырхалықов Ж.У.**; биол. ғ. докторы, проф., ҚР ҰҒА корр. мүшесі **Огарь Н.П.**; техн. ғ. докторы, проф., ҚР ҰҒА корр. мүшесі **Таткеева Г.Г.**; а.-ш. ғ. докторы, проф., ҚР ҰҒА корр. мүшесі **Үмбетаев И.**

Р е д а к ц и я к е ñ е с і :

Ресей ҒА академигі **Велихов Е.П.** (Ресей); Әзірбайжан ҰҒА академигі **Гашимзаде Ф.** (Әзірбайжан); Украинаның ҰҒА академигі **Гончарук В.В.** (Украина); Армения Республикасының ҰҒА академигі **Джрбашян Р.Т.** (Армения); Ресей ҒА академигі **Лаверов Н.П.** (Ресей); Молдова Республикасының ҰҒА академигі **Москаленко С.** (Молдова); Молдова Республикасының ҰҒА академигі **Рудик В.** (Молдова); Армения Республикасының ҰҒА академигі **Сагян А.С.** (Армения); Молдова Республикасының ҰҒА академигі **Тодераш И.** (Молдова); Тәжікстан Республикасының ҰҒА академигі **Якубова М.М.** (Тәжікстан); Молдова Республикасының ҰҒА корр. мүшесі **Лупашку Ф.** (Молдова); техн. ғ. докторы, профессор **Абиев Р.Ш.** (Ресей); техн. ғ. докторы, профессор **Аврамов К.В.** (Украина); мед. ғ. докторы, профессор **Юрген Аппель** (Германия); мед. ғ. докторы, профессор **Иозеф Банас** (Польша); техн. ғ. докторы, профессор **Гарабаджиу** (Ресей); доктор PhD, профессор **Ивахненко О.П.** (Ұлыбритания); хим. ғ. докторы, профессор **Изабелла Новак** (Польша); хим. ғ. докторы, профессор **Полещук О.Х.** (Ресей); хим. ғ. докторы, профессор **Поняев А.И.** (Ресей); профессор **Мохд Хасан Селамат** (Малайзия); техн. ғ. докторы, профессор **Хрипунов Г.С.** (Украина)

Главный редактор

академик НАН РК

М. Ж. Журинов

Редакционная коллегия:

доктор биол. наук, проф., академик НАН РК **Н.А. Айтхожина**; доктор ист. наук, проф., академик НАН РК **К.М. Байпаков**; доктор биол. наук, проф., академик НАН РК **И.О. Байгулин**; доктор биол. наук, проф., академик НАН РК **Р.И. Берсимбаев**; доктор хим. наук, проф., академик НАН РК **А.М. Газалиев**; доктор с.-х. наук, проф., академик НАН РК **З.Д. Дюсенбеков**; доктор сельскохоз. наук, проф., академик НАН РК **Р.Е. Елешев**; доктор физ.-мат. наук, проф., академик НАН РК **Т.Ш. Кальменов**; доктор фил. наук, проф., академик НАН РК **А.Н. Нысанбаев**; доктор экон. наук, проф., академик НАН РК **С.С. Сатубалдин**; доктор ист. наук, проф., чл.-корр. НАН РК **Х.М. Абжанов**; доктор физ.-мат. наук, проф., чл.-корр. НАН РК **М.Е. Абишев**; доктор техн. наук, проф., чл.-корр. НАН РК **З.С. Абишева**; доктор техн. наук, проф., чл.-корр. НАН РК **Б.Н. Абсадыков** (заместитель главного редактора); доктор с.-х. наук, проф., чл.-корр. НАН РК **Д.А. Баймуканов**; доктор ист. наук, проф., чл.-корр. НАН РК **Б.А. Байтанаев**; доктор физ.-мат. наук, проф., чл.-корр. НАН РК **А.Е. Давлетов**; доктор физ.-мат. наук, проф., чл.-корр. НАН РК **М.Н. Калимолдаев**; доктор геогр. наук, проф., чл.-корр. НАН РК **А. Медеу**; доктор техн. наук, проф., чл.-корр. НАН РК **Ж.У. Мырхалыков**; доктор биол. наук, проф., чл.-корр. НАН РК **Н.П. Огарь**; доктор техн. наук, проф., чл.-корр. НАН РК **Г.Г. Таткеева**; доктор сельскохоз. наук, проф., чл.-корр. НАН РК **И. Умбетаев**

Редакционный совет:

академик РАН **Е.П. Велихов** (Россия); академик НАН Азербайджанской Республики **Ф. Гашимзаде** (Азербайджан); академик НАН Украины **В.В. Гончарук** (Украина); академик НАН Республики Армения **Р.Т. Джрбашян** (Армения); академик РАН **Н.П. Лаверов** (Россия); академик НАН Республики Молдова **С. Москаленко** (Молдова); академик НАН Республики Молдова **В. Рудик** (Молдова); академик НАН Республики Армения **А.С. Сагиян** (Армения); академик НАН Республики Молдова **И. Тодераш** (Молдова); академик НАН Республики Таджикистан **М.М. Якубова** (Таджикистан); член-корреспондент НАН Республики Молдова **Ф. Лупашку** (Молдова); д.т.н., профессор **Р.Ш. Абиев** (Россия); д.т.н., профессор **К.В. Аврамов** (Украина); д.м.н., профессор **Юрген Аппель** (Германия); д.м.н., профессор **Иозеф Банас** (Польша); д.т.н., профессор **А.В. Гарабаджиу** (Россия); доктор PhD, профессор **О.П. Ивахненко** (Великобритания); д.х.н., профессор **Изабелла Новак** (Польша); д.х.н., профессор **О.Х. Полещук** (Россия); д.х.н., профессор **А.И. Поняев** (Россия); профессор **Моход Хасан Селамат** (Малайзия); д.т.н., профессор **Г.С. Хрипунов** (Украина)

«Вестник Национальной академии наук Республики Казахстан». ISSN 1991-3494

Собственник: РОО «Национальная академия наук Республики Казахстан» (г. Алматы)

Свидетельство о постановке на учет периодического печатного издания в Комитете информации и архивов Министерства культуры и информации Республики Казахстан №5551-Ж, выданное 01.06.2006 г.

Периодичность: 6 раз в год

Тираж: 2000 экземпляров

Адрес редакции: 050010, г. Алматы, ул. Шевченко, 28, ком. 219, 220, тел. 272-13-19, 272-13-18.

www: nauka-nanrk.kz, bulletin-science.kz

© Национальная академия наук Республики Казахстан, 2015

Адрес типографии: ИП «Аруна», г. Алматы, ул. Муратбаева, 75

Editor in chief

M. Zh. Zhurinov,
academician of NAS RK

Editorial board:

N.A. Aitkhozhina, dr. biol. sc., prof., academician of NAS RK; **K.M. Baipakov**, dr. hist. sc., prof., academician of NAS RK; **I.O. Baitulin**, dr. biol. sc., prof., academician of NAS RK; **R.I. Bersimbayev**, dr. biol. sc., prof., academician of NAS RK; **A.M. Gazaliyev**, dr. chem. sc., prof., academician of NAS RK; **Z.D. Dyusenbekov**, dr. agr. sc., prof., academician of NAS RK; **R.Ye. Yeleshev**, dr. agr. sc., prof., academician of NAS RK; **T.Sh. Kalmenov**, dr. phys. math. sc., prof., academician of NAS RK; **A.N. Nysanbayev**, dr. phil. sc., prof., academician of NAS RK; **S.S. Satubaldin**, dr. econ. sc., prof., academician of NAS RK; **Kh.M. Abzhanov**, dr. hist. sc., prof., corr. member of NAS RK; **M.Ye. Abishev**, dr. phys. math. sc., prof., corr. member of NAS RK; **Z.S. Abisheva**, dr. eng. sc., prof., corr. member of NAS RK; **B.N. Absadykov**, dr. eng. sc., prof., corr. member of NAS RK (deputy editor); **D.A. Baimukanov**, dr. agr. sc., prof., corr. member of NAS RK; **B.A. Baytanayev**, dr. hist. sc., prof., corr. member of NAS RK; **A.Ye. Davletov**, dr. phys. math. sc., prof., corr. member of NAS RK; **M.N. Kalimoldayev**, dr. phys. math. sc., prof., corr. member of NAS RK; **A. Medeu**, dr. geogr. sc., prof., corr. member of NAS RK; **Zh.U. Myrkhalykov**, dr. eng. sc., prof., corr. member of NAS RK; **N.P. Ogar**, dr. biol. sc., prof., corr. member of NAS RK; **G.G. Tatkeeva**, dr. eng. sc., prof., corr. member of NAS RK; **I. Umbetayev**, dr. agr. sc., prof., corr. member of NAS RK

Editorial staff:

E.P. Velikhov, RAS academician (Russia); **F. Gashimzade**, NAS Azerbaijan academician (Azerbaijan); **V.V. Goncharuk**, NAS Ukraine academician (Ukraine); **R.T. Dzhrbashian**, NAS Armenia academician (Armenia); **N.P. Laverov**, RAS academician (Russia); **S.Moskalenko**, NAS Moldova academician (Moldova); **V. Rudic**, NAS Moldova academician (Moldova); **A.S. Sagiyan**, NAS Armenia academician (Armenia); **I. Toderas**, NAS Moldova academician (Moldova); **M. Yakubova**, NAS Tajikistan academician (Tajikistan); **F. Lupaşcu**, NAS Moldova corr. member (Moldova); **R.Sh. Abiyev**, dr.eng.sc., prof. (Russia); **K.V. Avramov**, dr.eng.sc., prof. (Ukraine); **Jürgen Appel**, dr.med.sc., prof. (Germany); **Joseph Banas**, dr.med.sc., prof. (Poland); **A.V. Garabadzhiu**, dr.eng.sc., prof. (Russia); **O.P. Ivakhnenko**, PhD, prof. (UK); **Isabella Nowak**, dr.chem.sc., prof. (Poland); **O.Kh. Poleshchuk**, chem.sc., prof. (Russia); **A.I. Ponyaev**, dr.chem.sc., prof. (Russia); **Mohd Hassan Selamat**, prof. (Malaysia); **G.S. Khripunov**, dr.eng.sc., prof. (Ukraine)

Bulletin of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan.
ISSN 1991-3494

Owner: RPA "National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan" (Almaty)

The certificate of registration of a periodic printed publication in the Committee of Information and Archives of the Ministry of Culture and Information of the Republic of Kazakhstan N 5551-Ж, issued 01.06.2006

Periodicity: 6 times a year

Circulation: 2000 copies

Editorial address: 28, Shevchenko str., of. 219, 220, Almaty, 050010, tel. 272-13-19, 272-13-18,
<http://nauka-nanrk.kz/>, <http://bulletin-science.kz>

© National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, 2015

Address of printing house: ST "Aruna", 75, Muratbayev str, Almaty

ABOUT STAGES OF ISLAMIZATION OF THE POPULATION OF KAZAKHSTAN

K. U. Torlanbayeva

Institute of History and Ethnology named after Ch. Valikhanov, Almaty, Kazakhstan.

E-mail: torlanbayeva@mail.ru

Keywords: Islam, history of Kazakhstan, society of nomad, religious practitioners and beliefs, population.

Abstract. A research objective is the analysis of historical stages of Islamization of the population of Kazakhstan. With a view of object in view realisation written sources from XI for XIX centuries have been studied, researches on this theme also are analysed and discussed.

The methodology of the analysis is based on studying of historical sources, archival materials, researches on the domestic and foreign scholars. The methods used in work it is concrete historical, comparative, systematization and generalization, the critical analysis.

Promotion of the conclusion about staging with the corresponding historical features of eras in the course of Islamization of the population of Kazakhstan became result of research. First, it is necessary to recognise historical periodic in distribution of Islam to histories of Kazakhstan, each of stages has generated that "national" Islam which is property of the Kazakh culture; secondly, at each stage there were distinctive lines in an articulation of Muslim norms and their assimilation to norms and religious represent the population of Kazakhstan; thirdly, Islam, was entered into sphere of a policy of the power, but if till the colonial period it there was a policy going and operated from local political elite (Turkic, Mongolian, Kazakh) during the colonial period Islam has turned to its tool, that has led to interruption existing before the central-Asian tradition in process Islam development.

The received results can be used during analytical works on the history of Kazakhstan and the adjacent countries. A scope of results is the area of the historical, source study and archival analysis.

УДК 908-02/28

ОБ ЭТАПАХ ИСЛАМИЗАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ КАЗАХСТАНА

К. У. Торланбаева

Институт истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова, Алматы, Казахстан

Ключевые слова: ислам, история Казахстана, общество номадов, религиозные практики и верования, население.

Аннотация. Целью исследования является анализ исторических этапов исламизации населения Казахстана. В целях осуществления поставленной цели были изучены письменные источники от XI по XIX века, также проанализированы и обсуждены исследования по этой теме.

Методология анализа основана на изучении исторических источников, архивных материалов, исследованиях отечественных и иностранных ученых. Методы, используемые в работе, это конкретно-исторический, сравнительный, систематизирование и обобщение, критический анализ.

Результатом исследования стало выдвижение заключения об этапности с соответствующими историческими особенностями эпох в процессе исламизации населения Казахстана. Во-первых, нужно признать историческую этапность в распространении ислама в истории Казахстана, каждый из этапов сформировал тот самый «народный» ислам, который является достоянием казахской культуры; во-вторых, на каждом этапе существовали свои отличительные черты в артикуляции мусульманских норм и их ассимиляция к нормам и религиозным представлениям населения Казахстана; в-третьих, ислам вводился в сферу политики

власти, но если до колониального периода это была идущая и управляемая от местной политической элиты политика (тюркской, монгольской, казахской), то в колониальный период ислам превратился в его орудие, что привело к прерыванию существующей ранее центрально-азиатской традиции в процессе развития ислама.

Полученные результаты могут быть использованы в ходе аналитических работ по истории Казахстана и сопредельных стран. Областью применения результатов является область исторического, источниковедческого и архивного анализа.

Введение. Роль ислама в истории Казахстана определяется историко-культурными факторами и его распространение связано со средневековой историей всей Центральной Азии. В представленной публикации мы остановимся на исторических этапах укрепления ислама в Казахстане. Условность деления этапов проникновения, укрепления и развития ислама на территории Казахстана связана с соответствующими историческими этапами и внешними влияниями.

Первый этап связан с арабскими завоеваниями и принятием ислама в Средней Азии и дальнейшим его распространением среди скотоводческого населения. До ислама население Казахстана было знакомо с различными религиозными традициями: зороастризм, буддизм, манихейство, христианство и другие религии. Глубина их проникновения в скотоводческое общество во многом определялась интенсивностью взаимодействия и соприкосновения с оседло-земледельческим населением, в разные периоды входившие в состав кочевых политий.

Этнографический материал и письменные источники тюркоязычных народов свидетельствуют, что среди кочевников преобладали автохтонные верования, такие как, культ предков, многочисленные культы природы, культ «святых мест», шаманизм, корни которых уходят куда дальше, чем средневековые религии, приходившие вместе с товарами из Ближнего Востока, Индии или Китая. Среди них шаманизм, принятое по названию служителя шаманского культа у сибирских народов этнографической истории, является отражением существовавшего жреческого культа, появление которого относится к концу бронзового начала железного века, его возникновение было связано с появлением культа воина или вождя [1, с. 78-80]. В тюркское время в одном из согдийских текстов VIII века фиксируется синонимичное название служителя культа термином «кам» [2, с. 33]. Этот же термин «кам» переводится у Махмуда Кашгари как «жрец» и отнесен в XI веке к тюркским словам [3, с. 857]. Нам представляется, что каждое из этих верований и религий в определенных исторических и социальных условиях оказывало влияние на центрально-азиатский регион и в итоге нашло свое место в культурном наследии Казахстана.

Такими образом, приход ислама с арабскими завоеваниями оседло-земледельческого населения не стал для кочевников чем-то абсолютно новым. Реакция на принятие новой религии, вероятно, определялась отношением к ней властной элиты общества. Распространение ислама, как и многих других религий, проходило посредством сложившейся системы торговых и культурных связей между отдельными областями Центральной Азии. Великий Шелковый путь, функционирование которого было значительным в тюркский период, сформировал ту систему региональных связей между оседлым и скотоводческим населением, позволившим установить экономическую, военно-политическую и культурную взаимозависимость между различными слоями населения.

Завоевание арабами городских центров в Средней Азии заняло более шестидесяти лет с первых ранних набегов арабов (644–704 гг.), и, вероятно, после этого мы можем говорить о знакомстве тюркского населения, проживавшего на нынешней территории Казахстана с новой религией [4, с. 74-78]. В первой четверти VIII века в Средней Азии тюркешские войска выступили главными защитниками этих владений тюрков от арабского завоевания. Именно к этому времени относятся совместные действия против арабов. В 712 – 713 гг. объединенные силы тюрков, согдийцев, шашцев и ферганцев выступают против арабов. В 720 – 721 гг. войска тюркешского Куличора ведут успешные военные действия против арабов в Согде. В 723 г. тюркеши совместно с жителями Ферганы и Шаша наносят крупное поражение арабам. В 728 – 729 гг. во время крупнейшего антиарабского восстания населения Самарканда и Бухары согдийцы обратились за помощью к кагану. В результате вторжение тюркешей привело к почти полному освобождению Согда от арабов. В руках арабов оставался Самарканд. В 731 и 732 годы тюркеши вновь разбили арабов в горах между Кешем и Самаркандом. Лишь в конце 732 г. арабский наместник Джунейд бен Абдаллах разбил тюркешей и вошел в Бухару.

В конце 730-х гг. в Тюргешском каганате возник политический кризис, который привел в междоусобной борьбе и установлению лидирующих позиций карлукских племен. Внешними дестабилизирующими факторами были экспансионистская политика Танского государства и арабское завоевание в Жетысу. Вооруженное столкновение между карулками, тюргешами, арабами и китайцами окончилось знаменитой Таласской или Атлахской битвой в июле 751 г. [5, с. 53-55]. В самый важный момент карлукские войска перешли на сторону арабов, и с тыла ударили по танским войскам. Китайская армия, неся большие потери, обратилась в бегство.

Таласская битва имеет огромное историческое значение, не только отражающая переломный этап в вопросе распространения китайского влияния в Центральной Азии, но и в вовлечении тюркских народов и каганатов в систему ценностей мусульманского мира. Именно с этого времени в культурной экологии Центральной Азии появляется мусульманская область: Средняя Азия, Южный Казахстан, Восточный Туркестан. Однако многие элементы культуры древних тюрков, ее символы и образы, религиозные представления и мировоззрение продолжали быть лидирующими, требуя от новой религии адаптации к религиозному своеобразию населения. В Центральной Азии разная глубина проникновения ислама отразилась в существовании и борьбе за духовное влияние среди кочевников других религий: ламаизма, буддизма, христианства и бурханизма.

Завоевания арабов поменяло религиозную обстановку на пространстве культурного симбиоза земледельцев и скотоводов Казахстана, дало основание для сложения мусульманской культуры. Письменные источники свидетельствуют об исламизации населения Южного Казахстана в конце VIII – IX веках в связи с завоеваниями в междуречье Амударьи и Сырдарьи. В период тюркских каганатов на Великом Шелковом пути в городах и кочевьях Казахстана, где встречались Запад и Восток создавалась благоприятная почва для взаимопроникновения и взаимообогащения непохожих культур.

Как следствие меняющейся религиозной ситуации в истории Казахстана стало официальное принятие ислама государством Караханидов в 955 г., этому событию способствовали военно-политические, экономические и культурные факторы. В Центральной Азии действовали характерные для него аспекты жизнедеятельности: оседло-земледельческие и кочевые районы были взаимосвязаны деятельностью Согда в Средней Азии и его колоний от Китая до Сибири, что приводило в движение различные сферы жизни населения. Два важных письменных источника караханидского времени сохранила для нас история, это «Диван-и лугат ат-тюрк» Махмуда Кашгари и «Кудатгу билиг» Йусуфа хасс-хаджиба Баласагуни. Эти ранние письменные источники (XI в.) из тюркской среды могут быть восприняты как первые маркеры, обозначившие процесс исламизации народов Центральной Азии, а также маркеры, отметившие артикуляцию ислама к существовавшим до него религиям и практикам.

Первое из них говорило о предпочтении ислама перед другими религиями и имело целью собрать материал о тюркских племенах и их наречиях для репрезентации в мусульманском мире нового тюркского мира, который становится его частью. Специальное исследование Р. Данкоффа по тексту «Дивана» Махмуда Кашгари посвящено религиозным верованиям и представлениям тюрков [6, с. 68-80]. Автор изучает термины, пословицы и поговорки, которые приводит Махмуд Кашагари для иллюстрации верований тюрков. Он изучает слова «гази», «бурхан», «тенгри» и другие, которые переводятся и объясняются автором «Дивана» с точки зрения ислама. Например, говоря о термине «бурхан», он сообщает, что так обозначались идолы, божества религий неверных, против которых проводили походы мусульмане. Термин «бурхан» был широко распространен среди тюрков этого и более позднего времени, он фиксируется не только в буддийских документах, но и в манихейских и христианских религиозных текстах. По мнению Р. Данкоффа, ислам в XI веке укреплял свои позиции среди тюркской элиты [6, р. 69]. Вероятно, в это время формировались первые черты адаптации местных верований и культов к исламу.

В «Диване» интересен образ аскета (*zāhid*) Кулбака (*Qulbāq*), который часто посещал горы Баласагун, был «рабом Аллаха» (*tāḡri qulī qulbāq*) и практиковал суфийский ритуал кружения (*qulbāq udu uyuwulma*). Поклонение священным горам было одним из важнейших культов природы у народов кочевой степи. В китайских летописях сообщается, что тюрки поклонялись горе Буд-Тенгри (*кит.* Бо-дэнли). У уйгуров и по китайским и по арабским письменным источникам говорится о существовании Горы Счастья (*Кут-таг, кит.* Худао-тах, Хули-тах), почитание этой горы

приносило силу государству [7, с. 102, 107-108]. В культе гор на Алтае видится оживотворение природы, где почитание гор или других объектов окружающего мира отражали формы анимистического мировоззрения еще первобытного населения [8, с. 147]. Таким образом, у Махмуда Кашгари культ гор был артикулирован с новых позиций: горы становятся местом посещения мусульман, суфиев, которые проводят религиозные практики кружения, уединения и молений.

Одним из основных сюжетов содержания «Кудатгу билик» Юсуфа Баласагуни служит фигура отшельника Отгурмыша. Он живет среди гор, «овчиной прикрыт и отруби ест», отошел от родни, не имеет потомства, свои дни проводит в молитвах, он говорит о себе: «со мной имя Господа ночью и днем», его путь к Аллаху бесконечен. Радикальной стороной его понимания божественного пути стало отрицание потомства, выраженное словами: «вступающий в брак, сел в лодку, в море выехал; когда родятся сын или дочь, разбивается его лодка, а в волнах, кто живым останется!» [9, с.182]. Напомним, что в Коране нет проповеди аскетизма. Напротив, пророк Мухаммед неодобрительно говорит о христианском монашестве, распространенном на Ближнем Востоке среди различных религиозных сект. Тем не менее, после смерти пророка сформировалось два самостоятельных аскетических направления - зухд и тасаввуф (суфизм).

По вопросу аскетизма в «Кудатгу билик» и его происхождении имеется исследование Е. Бертельса, который предположил, что его корни уходят к манихейским гностическим воззрениям, и мы постарались этот вопрос осветить еще раз [7, с. 181-187; 10, с. 80-85]. Манихейство в религиозной жизни тюрков заняло существенные позиции, и новая артикуляция его культов и практик находила отражение в духовной и материальной культуре тюрков этого этапа исламизации [11, с. 179-261; 12, с. 357-378].

Эти два тюркских письменных источника зафиксировали ранний этап исламизации, который отразил адаптацию ислама к существующим в тюркском обществе религиозным представлениям. Официальное принятие ислама в Караханидском каганате не могло тут же означать отказ от предшествующих культурных ценностей, принятие ислама ограничивалось политическими и другими обстоятельствами. Укрепление ислама среди народа произошло позже, и этому процессу в немалой степени способствовало монгольское завоевание.

Второй этап связан с монгольским и послемонгольским периодами, ключевого и сложного времени в истории ислама и общества кочевников. Образование одной из величайших империй кочевников в Центральной Азии – Монгольской империи – до сих пор остается темой многочисленных исследований.

Существует два основных мнения о появлении этой империи. Первое мнение резюмирует, что возникновение Монгольской империи явилось закономерным явлением развития истории кочевников, это результат развития внутренних социально-политических, экономических и других сфер жизнедеятельности скотоводческого общества Центральной Азии (В.В. Бартольд, Б.Я. Владимирцев). Другое мнение сводится к тому, что возникновение Монгольской империи стало уникальным случаем, как явление, выходящее за рамки существующего представления о кочевниках хунно-тюркской модели «имперской конфедерации», личность Чингис-хана является основной в создании империи (Т. Барфилд, Т. Холл, Н.Н. Крадин). Не будем отрицать правомерность в науке этих мнений, более того, считаем, что этот вопрос не исчерпан. Обратимся к другому вопросу, задаваемому современными исследователями, он заключается в отношении монголов и их потомков к религии, и непосредственно он может пролить свет на рассматриваемый нами этап исламизации Казахстана.

Как считают исследователи, в отношениях с завоеванным населением монголы могли использовать две различные модели: во-первых, уничтожение городов, земледельческого населения, превращение полей в пастбища для скота; во-вторых, усложнение собственных органов управления – седентеризация правящей элиты в городах, создание бюрократического аппарата, введение письменности и делопроизводства по китайскому образцу [13, с. 8-9].

Главной причиной первого варианта отношения было сопротивление политической элиты этих народов власти Чингис-хана. В тюркской степи не было единой позиции в отношении признания империи Чингис-хана и однозначного отношения к завоеваниям. Например, на территории Казахстана сопротивление монгольскому завоеванию оказали жители Отрара, в результате город был сожжен. А кыпчакские племена могли бы составить основную антимонгольскую силу, однако

они предпочли, как многие другие тюркские кочевники инкорпорироваться в систему новых хозяев Степи, стать такими же завоевателями.

Багдадский Халифат был разрушен в 1258 г., по мнению Т. Оллсена, произошло, это потому что монголы не терпели политических конкурентов, а этот халифат претендовал на первенство в мусульманском мире Ближнего Востока [14, с. 83–85]. В Центральной Азии подобный случай с религиозным содержанием мы можем усмотреть в завоевании монголами Хорезма. В 1219 г., когда монгольские войска неуклонно подступали к Хорезму, Теркен-хатун, мать правителя Хорезма, по свидетельству Мухаммад ан-Нисави, принадлежавшая по происхождению к байаутам ветви племени йимак (кимак), приказала принести в жертву реке двенадцать высших сановников государства – жертвы божеству реки кимаков. Однако эта жертва не помогла войскам Хорезм-шаха. Осажденные в замке Илал, Теркен-хатун и ее подданные остались без воды и пропитания, а через 10-12 дней они были вынуждены сдаться врагам. В 1221 г. Теркен-хатун с шахским гаремом и визиром были схвачены и отправлены к Чингис-хану. Победенный Мухаммад Хорезм-шах был брошен в реку вместе со своим гаремом, Насир-ад-Дин был казнен, а Теркен-хатун была отправлена в Кара-Корум, где скончалась в 1232 г. [15, с. 464-469]. В исследовании А.М. Хазанова высказывается мнение о том, что отношение монголов к религии ограничивалось в тех случаях, когда она угрожала их политической власти или бросала вызов их религиозной практике. При этом монголы признавали другие религии как альтернативных носителей божьей истины, и не рассматривали их как идеологических противников [16, с. 392]. Более того, как известно духовенство всех религий было освобождено от уплаты налогов и ханы монголов просили молиться за них священнослужителей разных религий. Есть свидетельство, что Чингис-хан задал святому даосскому монаху Чан Чуноу, такой вопрос: «Принес ли ты какое-нибудь лекарство, чтобы продлить мою жизнь?» [16, с. 391]. Для Монгольской империи периода 1200–1260 гг. политика в отношении к религиям характеризовалась духовным и политическим прагматизмом.

Причиной второй модели отношения монголов к земледельческим народам заключалась в словах Лю Пин Чуна, китайского чиновника при дворе Хубилая: «Можно создать империю, сидя на коне, но невозможно управлять ею в таком положении». Такая ситуация возникла с окончанием завоеваний, когда необходимо было поддерживать существующий порядок власти Золотого рода Чингис-хана над завоеванными странами, и отношение к религии своих подданных играло стратегическую роль в этой политике. Как считает А.М. Хазанов: «Несмотря на некоторые различия, религиозная политика монгольских государств в Восточной Европе, Центральной Азии, Иране и даже Китае демонстрировала одну и ту же тенденцию. От религиозной терпимости, характерной для предшествующего времени, они переходили к примирению с религиями большинства своих оседлых подданных. ... Новая историческая ситуация требовала от кочевых правителей идеологического сближения с оседлым населением покоренных стран и заставляла их обращаться в религии побежденных» [16, с. 392-393].

Как известно, во время образования улусов после смерти Чингис-хана территория Казахстана была поделена между владениями трех его сыновей Джучи, Чагатая и Угэдея. Судя по источникам и историографии, основная часть современного Казахстана входила в состав территории Восточного Дешт-и Кыпчака – это обширный регион казахских степей, примерные границы которого можно очертить следующим образом: на востоке – его границами были Иртыш и Аягуз, на юго-востоке – среднее течение реки Сырдарья, на западе – Арало-Каспийский регион и Волго-Яикское междуречье, на севере – южные пределы Западно-Сибирской низменности [17, с. 9]. Улус Чагатая включал в свой состав Южный и Юго-Восточный Казахстан. В состав недолгого существования улуса Угэдея (после смерти в 1227 г. Чингис-хана он стал правителем всей Монгольской империи) в его состав вошла северо-восточная часть Жетысу. Такое территориально-географическое пояснение нам необходимо, чтобы продемонстрировать, что территория Казахстана с большей частью степных просторов также сохранила за собой территориальные границы и области оседло-земледельческого населения тюркского времени, хотя бывшая развитая городская культура была разрушена, и население перешло к скотоводческому укладу экономики. Постепенное культурное влияние бывшего оседлого населения увеличивалось в связи с окончанием процесса завоевания монголов.

Считается, что ко времени образования Монгольской империи в Средней Азии ислам превратился в лидирующую религию, в орбиту его влияния попадают Жетысу и Южный Казахстан. Т. Мэй в своей обширной статье считает, что в монгольских улусах ислам существовал наряду с другими религиями: «Чагатайский улус тоже все более становился исламским, по меньшей мере в Мавараннахре, который был по преимуществу мусульманским. В других районах Чагатайского улуса по-прежнему преобладали старые религиозные верования» [22, с. 434].

До монгольского периода письменные источники сообщают о суфии и шейхе из Йасы (Туркестан, Южный Казахстан) Ходжа Ахмете (1103–1166-7 гг.). Традиция приписывает ему создание «Диван-и хикмат» - памятника суфийской литературы, сохранившегося в различных рукописных копиях XIX – начала XX веков, весьма популярного поэтического произведения среди тюркоязычных народов. Источниками по биографии Ахмета ал-Йасави и его суфийского пути, как создателя братства Йасавийа, являются сочинения 'Алим-шайха 'Алийабади «Ламахат мин нафахат ал-кудс» (нач. XVII в.), 'Али-шира Нава'и «Наса'им ал-махабба мира», а также агиографический труд по Накшбандии «Рашахат 'айн ал-хайат» и другие источники, которые составляют вплоть до XIX в. Это вся более поздняя, осознанная в духе суфийских дебатов, литература [18, с. 217-218].

Время жизни Ходжа Ахмета ал-Йасави – караханидский период – эпоха, когда шел первый этап исламизации тюркских племен со стороны охваченных исламом земледельческих периферий тюркской Степи. Из биографии Ходжа Ахмета известно, что он получил образование у своего отца шейха Ибрагима, у Баха ад-Дина Испиджаби, известного ученого из ханафитского масхаба, у Арыстан Баба, руководителя местных мубайдитов в Отраре, у Ходжи Юсуфа Хамадани в Бухаре, лидера школы мистиков [19, с. 3]. Вероятно, суфизм сыграл адаптирующую роль к доисламским религиозным воззрениям местного населения, вместе с тем, ислам этого времени несет в себе идею завоевания, приведения неверных тюрков в ислам, и Ходжа Ахмет играет именно эту роль.

Образ Арыстан Баба достаточно синкретичен, и по нашему мнению, может восходить к манихейскому Льву, однако тоже в переработанном виде. О манихейском Льве-Драконе в «Кеафлайа» говорится: «Царь Дыма, пришедший из глубины тёмной... От него пошла начало и замысел войны, а также все битвы, борения, опасности, сражения... Он начал воевать со Светом, затеял войну с царством возвышенным. Что до царя Мрака, то у него пять форм: голова, как у льва..., туловище, как у дракона» [20, 30, стк. 25-36]. В фауне Жетысу или Южного Казахстана лев не водился, его образ укрепился в тюркском обществе в результате взаимосвязей с Согдом, Ираном, Ближнем Востоком, именно оттуда могло идти его отображение в религиозном плане. Название «лев» в письменных источниках тюркского периода встречается в двух формах: собственно тюркском «ар(ы)слан» и среднеперсидском «шер'шир». Распространение этих терминов известно по китайским и византийским письменным источникам. Образ воинственного льва стал весьма популярен среди тюрков, и, ни сколько с точки зрения манихейских воззрений, а с позиций образа воина, героя, борца, вождя. Борьба ислама с местными религиями рисовала необходимость создания нового образа для льва – борца за истинную веру в Аллаха. Вероятно, эта традиция возвела в учителя Ходжа Ахмета руководителя мубайдитов Арыстан Баба. Слово «баб» по-арабски обозначает «ворота», «дверь» и в религиозном плане трактуется как посредник между имамом и народом, духовный проводник, вместе с тем в данном объяснении связи Арыстан Баба с Ходжа Ахметом, ворота как вход в страну неверных тюрков, которых нужно было исламизировать [21, с. 194]. Мы можем говорить о процессе ассимиляции манихейских и исламских представлений. Этот важный процесс был остановлен в результате создания Монгольской империи. При этом в истории ислама в Казахстане Йасавийа сохранило свои позиции и в последующие века.

Реактуализация тюркских исламских воззрений в Казахстане началась в послемонгольскую эпоху. Выдающуюся роль в этом сыграл Амир Тимур (1336–1404 гг.). Он построил мавзолей Ходжа Ахмета ал-Йасави в Туркестане (в данном случае «Стране тюрков», вероятно, обширной области на границе улусов Чагатая и Джучи) – знаменитую на весь исламский мир ханаку для паломников на границе между степью и мусульманскими областями – ворота к тюркским «неверным», основной области кочевников – Дешт-и Кыпчак. Постройка мавзолея Амир Тимуром может рассматриваться не только как военно-политический акт, связанный с утверждением легитимности его власти среди чингизидов в Дешт-и Кыпчаке, но и как отражение процесса исламизации в послемонгольский период, его дальнейшее углубление, требующий политической поддержки со

стороны правителей Средней Азии. По нашему мнению, Д. ДиУис отметил один из механизмов процесса исламизации: «...наследственный принцип в суфийской преемственности Йасавийа, вероятно, сопровождал и, возможно, способствовал установлению формальных связей при посвящении и отношений типа покровитель–подопечный между отдельными суфийскими группами, с одной стороны, и более широкими социальными сообществами, кочевыми или оседлыми, с другой» [18, с. 226]. Ислам устанавливал новую форму социальных связей между скотоводческим и земледельческим населением Казахстана. Этому, вероятно, способствовал процесс восстановления экономики и городской культуры в Присырдарьинской области, Жетысу и других районах минувшей «эпохи тюркско-согдийского симбиоза» в XIII–XIV веках, актуализировались взаимосвязи земледельческого и скотоводческого населения, шел процесс миграции и оседания. Также закладываются основания истории для появления духовного сословия ходжей для последующих периодов. Как показано в работе А.К. Муминова, знатоки генеалогий указывают на раннюю историю происхождения родов казахских ходжей, из которых 12 свою генеалогию возводят к потомкам Мухаммада ибн ал-Ханафийа (ум. в 81/700-01 г.). В четырех «Насаб-наме» указываются даты их составления – конец XIII века [23, с. 43, 47]. И это в какой-то степени согласуется с принятием ислама Берке-ханом в Дешт-и Кыпчаке.

Считается, что ислам пришел с правлением Берке, ставший ханом в 1257 г., его обращение в ислам связано с влиянием кубравийского шейха Саиф ад-дина Бахарзи, время принятия им ислама входит в рамки от младенчества до восхождения на престол улуса Джучи. Жена Берке-хана Чичекхатун построила юрту-мечеть, а два его брата, Тока Темур и Беркечер тоже приняли ислам. В 1313 г. правителем Золотой Орды стал Узбек-хан, с именем которого письменные источники связывают утверждение ислама в степи [22, с. 432-434].

Об этом времени и вопросе артикуляции исламских воззрений интересна монография Девина ДиУиса «Исламизация и исконная религия в Золотой Орде: Баба Тюклес и обращение в ислам в исторической и эпической традиции» [24]. Целью исследования является изучение редкого и недостаточно разработанного среднеазиатского письменного памятника XVI века на тюркском языке – «Тарих-и дуст Султан» Утемиша Хаджи и его многочисленных подражаний, повествующих об обращении в ислам известного монгольского правителя Дешт-и Кыпчака - Узбек-хана (правил 1313–1341 гг.). В этом повествовании центральной фигурой является выдающаяся фигура Баба Тюкlesa. Его имя хорошо известно из полуисторических и эпических произведений, возникших в золотоордынский период. Согласно этим свидетельствам, Баба Тюклес был признан человеком, принесший новую религию – ислам. В народной памяти его «исламизирующая» роль ассоциировалась с ролью царствовавшего над народом предка и мифического прародителя - Баба Тюкlesa. Автор монографии указывает, что сама по себе эта ассоциация, особенно ее направление, является аргументом в пользу связи между исламизацией и «этнической» тождественностью народов Центральной Азии [24, с. 79-82].

В первой главе исследования автор останавливается на рассмотрении историографии по исламу региона, и отмечает очень важный факт: отсутствие существенных и серьезных работ по исламизации, в сочетании с относительным пренебрежением к этой проблеме, что стало причиной появления некритически воспринятых утверждений по стандартной схеме: ислам был лишь «слегка насажден» среди кочевников [24, с. 21-52]. Подобное мнение в основном советской историографии отражает непонимание природы ислама и локальных религиозных концепций, предшествовавших исламизации. На взгляд Д. ДиУиса, более сбалансированное рассмотрение проблемы позволяет утверждать, что исламизация имела значение и по существу была преобразующим фактором, по характеру настроенным на доисламские традиции. Поэтому, не смотря на активную политику Узбек-хана в исламизации населения Дешт-и Кыпчака, народ выступил против утверждения шариата взамен Ясы (закона) Чингис-хана. Причина этому заключалась в том, что обращение в ислам неизбежно вело к главному изменению в образе жизни номадов - уход из племени в случае, если племя не принимало ислам [24, с. 63].

В другом своем исследовании о переосмыслении связей между суфийскими традициями Йасавийа и Накшбандийа Девин ДиУис оговаривает важный вывод для рассматриваемого этапа исламизации: «Йасавийа... обнаруживает яснее других отличительные черты центрально-азиатского ислама после XIII в. Традиция Йасавийа показательна, поскольку со временем она стала

отображать и формировать процессы ассимиляции, придавшие исламу значимость для самых широких слоев общества» [18, с. 212].

Империя, созданная монголами, остро ставила вопросы отстаивания и поиска собственной идентичности скотоводческого общества кочевников перед земледельческим населением. Вероятно, поэтому шел и другой процесс: происходило создание новых для Центральной Азии взаимосвязей между скотоводческими и земледельческими обществами через ислам, сакральные нормы, которого объясняли бы переход к оседлости на территориях уже сложившихся контактов двух обществ и связанные с этим этнические смешивания между племенами с разными представлениями о нормах допустимых родоплеменных союзов и родства (экзогамные и эндогамные браки). На этом этапе исламизации шел процесс адаптации и ассимиляции религиозных ценностей ислама к этнической идентичности тюрко-монгольского мира.

Монгольский и послемонгольский этап в исламизации населения Казахстана охватил огромный промежуток времени с XIII по XVIII века и не был однородным, он характеризовался эволюционным развитием внутренних центрально-азиатских социально-культурных процессов без кардинального внешнего вмешательства. Ситуация меняется, когда в результате мировых политических событий на Центральную Азию начинают оказывать влияние колониальные направления политики Российской и Цинской империй. В водовороте колониальных войн была уничтожена последняя, по мнению Т. Барфилда, империя кочевников – Джунгарская империя [25, с. 418-442]. Вместе с тем, в противостоянии джунгаро-казахских войн сложилась сильная казахская идентичность. В современной казахстанской исторической науке всесторонне изучаются вопросы по истории Казахского ханства, многие сложившиеся в советской науке представления пересматриваются. Хотелось бы пожелать, чтобы вопрос об истории исламизации населения Казахстана находил понимание в поэтапности этого процесса, ассимиляции ранее существующих религиозных представлений и реартикулировании исламских норм с позиций центрально-азиатской цивилизации.

Третий этап исламизации в истории Казахстана связан с колониальной политикой России. Этот этап в исламизации населения Казахстана стал непохожим на предыдущие, вероятно, потому что колониальная политика ставила необходимой задачей использование религии в политике завоевания.

Русская политика в отношении Казахстана меняется во время правления Екатерины II, когда становится очевидным, что Россия превращается в колониальную империю и ведет соревновательную политику с другими европейскими государствами в этом направлении. Власть, понимая необходимость удержания в пределах российского влияния степных и сибирских народов, желая расширения своих границ и торговых связей со среднеазиатскими ханствами и Китаем, защиты интересов престола от посягательств Англии в Средней Азии, начинает проводить политику умиротворения. В этой связи, 4 сентября 1785 г. Екатерина II писала оренбургскому генерал-губернатору И.О. Игельструму: «Видев из донесения Вашего от 6 августа, что построенные для поданных наших магометанского закона мечети в крепости Троицкой и Оренбурге (т.е., то, что называется Сеитовским посадом – К.Т.) открыты, не сомневаюсь, что такое сооружение мест для публичной молитвы привлечет и прочих поблизости кочующих и обитающих к границам нашим, а еще послужит со временем способом к воздержанию их от своеволия лучше всяких строгих мер. Вследствие того нужно есть: 1) при упомянутых мечетях построить татарские школы, по примеру казанских, и тут же завести караван-сарай и гостиные дворы; 2) мечети обвести каменным забором, осведомившись у татар, как то пристойнее по их обычаю; 3) где-то вновь построить мечети, и особенно в таких местах, кои удобнее других помещаемы быть могут, стараться оные так расположить, что хотя до тысячи пятисот человек вместиться могло» [26, с. 60]. Известным последователем екатериновской политики был губернатор области В.А. Перовский, именно с его именем связано строительство символа Оренбурга Караван-Сарая [27, с. 65-71].

Проект Караван-Сарая по замыслу В.А. Перовского должен был играть представительскую роль государства в крае, привлекая мусульманское население пограничных территорий Казахстана и Средней Азии. По мнению В.В. Дорофеева: «Дальновидные планы Перовского сводились не только к строительству пристанища для башкир, но имели целью укрепления связи с Башкирией в Оренбуржье. Одновременно, Россия стремилась привлечь на свою сторону в колониальной борьбе

с Англией народы Средней Азии и Казахстана, исповедовавшие ислам» [27, с. 65]. Строительство Караван-Сарая было утверждено по проекту А.П. Брюллова и началось в 1840 г. И хотя основные работы были закончены уже к 1844 г., мечеть же при Караван-Сарае открылась только в августе 1846 г. Среди меценатов грандиозного комплекса был хан Букеевской Орды Жангир, пожертвовавший на постройку мечети 9512 руб. 90 коп в 1838-1839 году. На протяжении 20 лет эта мечеть была войсковой и не имела постоянного прихода из числа жителей самого города. После упразднения в 1865 г. Башкиро-Мещеряцкого войска мусульмане, проживающие в Старой и Новой слободе, были прикреплены к мечети при Караван-Сарае [28, с. 40-42].

В первой половине XIX века правительство продолжало следовать направлению, взятому Екатериной II по использованию татарского населения в продвижении российской политики в Казахстане, вследствие чего произошла «инкорпорация татарского и башкирского духовенства в структуру управления казахской степью» [29, с. 147]. Известно, что правительство в качестве советника-дипломата на постоянную работу направило в ханский совет Малого Жуза ахуна Мухамметжана Хусаинова (1756–1824 гг.); Сулейман Абдулвахит (1786–1866 гг.), известный религиозный деятель, муфтий, дипломат, привлекался для ведения переговоров с ханами Старшего и Среднего Жузов [26, с. 62]. По мнению же Гвардейского генерала Е.К. Мейндорфа, татарские муллы должны быть не только главными судьями при казахском хане, но и иметь «достаточно влияния над ханом для того, чтобы орда управлялась так, как хочет Россия» [29, с. 147]. Впрочем, такая политика была не всегда.

Новой задачей Российской империи стала политика культурной унификации посредством проведения русификации. По мнению Комитета министров, ислам уже исчерпал свои возможности по служению нужной политике, необходимо было проводить политику по интенсификации деятельности православия как опоры имперского могущества. Поэтому, согласно «Временному положению об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях» 1868 г. казахское население было выведено из под управления Оренбургского Магометанского Духовного Собрания: «Местное заведывание киргизами по делам духовным предоставляется местным муллам, с подчинением их общему гражданскому управлению и через него – министерству внутренних дел» [30, с. 339], а сделано это было: «... в видах политических с целью возможного ослабления мусульманской пропаганды и разрыва духовной связи магометан, проживающих внутри Империи» [31, с. 180]. Цели разрыва связей между мусульманами Центральной Азии носили стратегический характер и осуществлялись в длительном промежутке времени. Стало очевидно, что продолжение взаимоотношений мусульман Российской империи с мусульманами других стран грозило государственным интересам, также как и взаимодействия мусульман России. Политика урегулирования в этом вопросе оставалась актуальной и в XIX веке. Согласно архивным данным, в «Записке о паломничестве мусульман, значении его и мерах к упорядочению», созданной в Министерстве иностранных дел и направленной военному губернатору Тургайской области приводятся сведения о трех общепринятых направлениях хаджа мусульман из России. Эти пути хаджа сложились, вероятно, давно и являлись дорогами общения между мусульманами из разных государств и собственно империи, что колониальной политики мешало. Казахские мусульмане могли использовать разные направления для хаджа, однако в «Записке» указывается: «По второму направлению через Самарканд и Бухару на Афганистан с проездом от Пешевара до Бомбея по железной дороге следуют в числе от 4 до 7 тысяч ежегодно паломники из среднеазиатских владений, несмотря на всю продолжительность его, дороговизну и трудности» [32, л. 11-12]. Вероятно, что связи между среднеазиатскими и казахскими мусульманами, сложившиеся в историческом прошлом, продолжали быть актуальными.

Третий этап исламизации в Казахстане зависел от направлений колониальной политики России, который первоначально укреплял ислам через татарских и башкирских мулл, и, вероятно, в мусульманском интеллектуальном пространстве стали появляться идеологи с новыми влияниями, отличными от исторически сложившегося среднеазиатского влияния и диспута, а затем стал насаждать православное христианство как новую имперскую религию.

Выводы. Таким образом, рассмотренные три этапа исламизации населения Казахстана показывают неоднозначность этого процесса. Во-первых, нужно признать историческую этапность в распространении ислама в истории Казахстана, каждый из этапов сформировал тот самый

«народный» ислам, который является достоянием казахской культуры; во-вторых, на каждом этапе существовали свои отличительные черты в артикуляции мусульманских норм и их ассимиляция к нормам и религиозным представлениям населения Казахстана; в-третьих, ислам, как и другие религии, так или иначе вводился в сферу политики власти, но, если до колониального периода это была идущая и управляемая от местной политической элиты политика (тюркской, монгольской, казахской), то в колониальный период ислам превратился в его орудие, что привело к прерыванию существующей ранее центрально-азиатской традиции в процессе развития ислама. В-четвертых, сложились тенденции внешнего влияния на «народный» ислам в истории Казахстана, которые делают его управляемым. В современных условиях открытость центрально-азиатских границ ведет к влиянию «глобального» или транснационального ислама, устанавливающего новые стандарты благочестия. Разворачивается новый этап религиозной конкуренции. На местные формы ислама смотрят как недостаточно исламские, а импортированный «пуританский» ислам считается чужим. В действительности это может вести к проявлениям нетерпимости и даже радикализма, направленного против повседневной религиозной практики казахов.

Источники финансирования. Исследование публикуется в рамках реализации проекта Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан 2015-2017 гг., ГФ № 1114/ГФ4, регистрационный № 0115PK01052.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Базарбаева Г.А., Джумабекова Г.С. Художественные бронзы Жетысу. – Алматы, 2013. – 120 с.
- [2] Лившиц В.А. Согдийская эпиграфика Средней Азии и Семиречья. – СПб: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета. – 414 с.
- [3] Махмуд ал-Кашагари. Диван луга тат-Турк. \ Пер. и предис. З.-А.М. Ауэзовой. – Алматы, 2005.
- [4] Гоибов Г. Ранние походы арабов в Среднюю Азию. – Душанбе: Донши, 1989.
- [5] История Казахстана. – Алматы, 1993. – 324 с.
- [6] Dankoff R. Kasgari of the Beliefs and Superstitions of the Turks. \ Journal of the American Oriental Society. - Vol. 95, n.1, 1975. - P. 68-80.
- [7] Зуев Ю.А., Агелеуов Г.Е. Буд-Тенгри – прародитель древних тюрков. – Культурные контексты Казахстана: история и современность. - Алматы, 1998.
- [8] Потапов Л.П. Культ гор на Алтае. Советская этнографии. - М., 1946. - Вып. 2.
- [9] Бертельс Е.Е. Суфизм и суфийская литература. – Избранные труды. – Москва: Наука, 1965. - С. 181-187.
- [10] Torlanbayeva K.U. The Manichean and Sufi Elements in the Qutadgu Bilik. Известия национального центра археологии и источниковедения. – Астана, 2013, № 2. - С. 80-85.
- [11] Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. - Алматы, 2002.
- [12] Vaissière E. de la Mani en Chine de VI-e siècle \ Journal Asiatique. – 2005. –Т. 293. – № 1. – P. 357-378.
- [13] Базаров Б.В., Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Введение: кочевники, монголосфера и цивилизационный процесс. - Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2004.
- [14] Allsen T.T. Mongol Imperialism: the Policies of the Grand Qan Möngke in China, Russia and the Islamic Lands. - Berkley: University of California Press, 1987.
- [15] Juvaini Ala-ad-Din Ata-Malik. The History of the World-conqueror. (Trans. J. A. Boyle). – Manchester, 1958. - Т. II.
- [16] Хазанов А. М. Мухаммед и Чингис-хан в сравнении: роль религиозного фактора в создании мировых империй. - Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2004.
- [17] Ускенбай К.З. Восточный Дашт-и Кыпчак в XIII – начале XV века. –Казань: Фэн, АН РТ, 2013.
- [18] ДеУис Д. Маша' их-и турк и Хваджаган: переосмысление связей между суфийскими традициями Йасавайя и Накшбандийа. – Суфизм в Центральной Азии: зарубежные исследования. – Санкт-Петербург, 2001. –С. 211-274.
- [19] Абусейтова М.Х. Предисловие. \ Ходжа Ахмет Яссави «Хикметы». \ Пер. с чагатайского. – Алматы, 2004.
- [20] Кефалайя («Главы»). Коптский манихейский трактат. \ Пер. с коптского, исследования, комментарий, глоссарий и указатель Е.С. Смагиной. - М., 1998. - 512 с.
- [21] Жандарбек З. Комментарий. \ Ходжа Ахмет Яссави «Хикметы». \ Пер. с чагатайского. – Алматы, 2004.
- [22] Мэй Т. Монголы и мировые религии в XIII веке. - Монгольская империя и кочевой мир. - Улан-Удэ, 2004.
- [23] Муминов А.К. Введение. \Исламизация и сакральные родословные в Центральной Азии. – Алматы: Дайк-Пресс, 2008.
- [24] DeWeese D. Islamization and Native Religion in the Golden Horde. Baba Tükles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. –Pennsylvania: The Pennsylvania State University, 1994. - 638 p.
- [25] Барфилд Т. Опасная граница. Кочевые империи и Китай (221 г. до н.э. –1757 г. н.э.). – Санкт-Петербург, 2009. – 487 с.
- [26] Искандаров Р., Искандаров А. Сеитов посад и его мечети. – Край Оренбургский. Праведной дорогой ислама. - Оренбург, 2007.
- [27] Дорофеев – Дорофеев В.В. Символ города. – Край Оренбургский. Праведной дорогой ислама. - Оренбург, 2007.
- [28] Денисов Д.Н. Исторические мечети Оренбурга. – Край Оренбургский. Праведной дорогой ислама. - Оренбург, 2007.
- [29] Шаблей П.С. Оренбургское Магометанское Духовное Собрание в Казахстане (1788-1868 гг.) \ Вопросы истории. 2008, № 5.

- [30] Материалы по истории политического строя Казахстана. - Т.1. - Алма-Ата, 1960.
 [31] Ислам в Российской империи. - М., 2001.
 [32] ЦГА (Центральный государственных архив), ф. 25, оп. 1, д. 561, л. 11-12.

REFERENCES

- [1] Bazarbaeva G.A., Dzhumabekova G.S. *Hudozhestvennye bronzy Zhetysu*, Almaty, 2013, 120 s. (in Russ.).
 [2] Livshitz V.A. *Sogdijskaya epigrafika Srednej Azii i Semirech'ya*, SPb: Filologicheskij fakul'tet Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo Universiteta, 414 s. (in Russ.).
 [3] Mahmud al-Kashagari. *Divan lugat at-Turk*, Per. i predis. Z.-A.M. Auezovoj, Almaty, 2005. (in Russ.).
 [4] Goibov G. *Rannie pohody arabov v Srednyuyu Aziyu*, Dushanbe: Donshi, 1989. (in Russ.).
 [5] *Istoriya Kazahstana*, Almaty, 1993, 324 s.
 [6] Dankoff R. *Kasgari of the Beliefs and Superstitions of the Turks*. Journal of the American Oriental Society, Vol.95, n.1, 1975, P. 68-80. (in Eng.).
 [7] Zuev Yu.A., Ageleuov G.E. *Bud-Tengri - praroditel' drevnih tyurkov*. Kul'turnye konteksty Kazahstana: istoriya i sovremennost', Almaty, 1998. (in Russ.).
 [8] Potapov L.P. *Kul't gor na Alta*, Sovetskaya etnografii, M., 1946, Vyp. 2. (in Russ.).
 [9] Bertel's E.E. *Sufizm i sufijjskaya literature*, Izbrannye trudy, Moskva: Nauka, 1965, S. 181-187. (in Russ.).
 [10] Torlanbayeva K.U. *The Manichean and Sufi Elements in the Qutadgu Bilik*, Izvestiya natsional'nogo tzentra arheografii i istochnikovedeniya, Astana, 2013, № 2, S. 80-85. (in Eng.).
 [11] Zuev Yu.A. *Rannie tyurki: ocherki istorii i ideologii*, Almaty, 2002.
 [12] Vaissiere E. de la. Mani en Chine de VI-e siecle, Journal Asiatique, 2005, T. 293, N. 1, P. 357-378. (in Fran.).
 [13] Bazarov B.V., Kradin N.N., Skrynnikova T.D. *Vvedenie: kochevniki, mongolosfera i tzivilizatsionnyj protsess*, Mongol'skaya imperiya i kochevoj mir, Ulan-Ude, 2004. (in Russ.).
 [14] Allsen T.T. *Mongol Imperialism: the Policies of the Grand Qan Mönqke in China, Russia and the Islamic Lands*, Berkley: University of California Press, 1987. (in Eng.).
 [15] Juvaini Ala-ad-Din Ata-Malik. *The History of the World-conqueror*. (Trans. J. A. Boyle), Manchester, 1958, T. II. (in Eng.).
 [16] Hazanov A. M. *Muhammed i Chingis-han v sravnenii: rol' religioznogo faktora v sozdanii mirovyh imperij*, Mongol'skaya imperiya i kochevoj mir, Ulan-Ude, 2004. (in Russ.).
 [17] Uskenbaj K.Z. *Vostochnyj Dasht-i Kypchak v XIII - nachale XV veka*. Kazan': Fan, AN RT, 2013. (in Russ.).
 [18] DeWeese D. *Masha' ih-i turk i Havadzhagan: pereosmyslenie svyazej mezdu sufijjskimi traditsiyami Jasavija i Nakshbandija*, Sufizm v Tzentral'noj Azii: zaubezhnye issledovaniya, Sankt-Peterburg, 2001, S. 211-274. (in Russ.).
 [19] Abuseitova M.H. *Predislovie*, Hodzha Ahmet Yassavi "Hikmety", Per. s chagatjaskogo, Almaty, 2004. (in Russ.).
 [20] *Kefalaja ("Glavy")*, Koptskij manihejskij traktat, Per. s koptskogo, issledovaniya, kommentarij, glossarij i ukazatel' E.S. Smaginoj, M., 1998, 512 s. (in Russ.).
 [21] Zhandarbek Z. *Kommentarij*, Hodzha Ahmet Yassavi "Hikmety", Per. s chagatjaskogo, Almaty, 2004. (in Russ.).
 [22] Mej T. *Mongoly i mirovye religii v XIII veke*, Mongol'skaya imperiya i kochevoj mir, Ulan-Ude, 2004. (in Russ.).
 [23] Muminov A.K. *Vvedenie*, Islamizatsiya i sakral'nye rodoslovnye v Tzentral'noj Azii, Almaty: Dajk-Press, 2008. (in Russ.).
 [24] DeWeese D. *Islamization and Native Religion in the Golden Horde. Baba Tükles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition*, Pennsylvania: The Pennsylvania State University, 1994, 638 p. (in Eng.).
 [25] Barfield T. *Opasnaya granitza. Kochevye imperii i Kitaj (221 g. do n.e. - 1757 g. n.e.)*, Sankt-Peterburg, 2009, 487 s. (in Russ.).
 [26] Iskandarov R., Iskandarov A. *Seitov posad i ego mecheti*, Kraj Orenburgskij. Pravednoj dorogoj islama, Orenburg, 2007. (in Russ.).
 [27] Dorofeev V.V. *Simvol goroda*, Kraj Orenburgskij, Pravednoj dorogoj islama, Orenburg, 2007. (in Russ.).
 [28] Denisov D.N. *Istoricheskie mecheti Orenburga*, Kraj Orenburgskij, Pravednoj dorogoj islama. Orenburg, 2007. (in Russ.).
 [29] Shablej P.S. *Orenburgskoe Magometanskoe Duhovnoe Sobranie v Kazahstane (1788-1868 gg.)*, Voprosy istorii. 2008, № 5. (in Russ.).
 [30] *Materialy po istorii politicheskogo stroya Kazahstana*, T.1. Alma-Ata, 1960. (in Russ.).
 [31] *Islam v Rossijskoj imperii*, M., 2001. (in Russ.).
 [32] TzGA (Tzentral'nyj gosudarstvennyh arhiv), f. 25, op. 1, d. 561, l. 11-12.

ОБ ЭТАПАХ ИСЛАМИЗАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ КАЗАХСТАНА

К. Ө. Торланбаева

Ш. Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты, Алматы, Қазақстан

Тірек сөздер: ислам, Қазақстан тарихы, номад қоғамдары, діни тәжірибелермен діншілдіктер, тұрғындар.

Аннотация. Зерттеу мақсаты – Қазақстан тұрғындарының исламдану тарихи кезеңдерін талдау. Әдіс-тәме ғылыми (методология) талдау тарихы дереккөздер мен мұрағат материалдары оқып білуімен, отандық және шетелдік ғалымдардың зерттеулеріне негізделген.

Жұмыс барысында пайдаланған әдістер, бұлар: нақты-тарихи, салыстырма, жүйелендіру мен жинақтау, сыни талдаулар.

Зерттеу нәтижесі ретінде болып, Қазақстан тұрғындарының исламдану барысында орын тапқан кезендік дәйектілігімен (этапность), оның тарихқа сәйкес келетін кезендік ерекшеліктері туралы қорытынды шығару.

Алынған нәтижелер Қазақстан және оған шектес мемлекеттердің тарихын зерттеу жұмысы барысында пайдаланулары мүмкін. Нәтижелерді қолданылатын салалар ретінде тарихи, деректану және де мұрағаттық талдау салалары есептеледі.

Поступила 22.05.2015 г.

Publication Ethics and Publication Malpractice in the journals of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan

For information on Ethics in publishing and Ethical guidelines for journal publication see <http://www.elsevier.com/publishingethics> and <http://www.elsevier.com/journal-authors/ethics>.

Submission of an article to the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan implies that the described work has not been published previously (except in the form of an abstract or as part of a published lecture or academic thesis or as an electronic preprint, see <http://www.elsevier.com/postingpolicy>), that it is not under consideration for publication elsewhere, that its publication is approved by all authors and tacitly or explicitly by the responsible authorities where the work was carried out, and that, if accepted, it will not be published elsewhere in the same form, in English or in any other language, including electronically without the written consent of the copyright-holder. In particular, translations into English of papers already published in another language are not accepted.

No other forms of scientific misconduct are allowed, such as plagiarism, falsification, fraudulent data, incorrect interpretation of other works, incorrect citations, etc. The National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan follows the Code of Conduct of the Committee on Publication Ethics (COPE), and follows the COPE Flowcharts for Resolving Cases of Suspected Misconduct (http://publicationethics.org/files/u2/New_Code.pdf). To verify originality, your article may be checked by the Cross Check originality detection service <http://www.elsevier.com/editors/plagdetect>.

The authors are obliged to participate in peer review process and be ready to provide corrections, clarifications, retractions and apologies when needed. All authors of a paper should have significantly contributed to the research.

The reviewers should provide objective judgments and should point out relevant published works which are not yet cited. Reviewed articles should be treated confidentially. The reviewers will be chosen in such a way that there is no conflict of interests with respect to the research, the authors and/or the research funders.

The editors have complete responsibility and authority to reject or accept a paper, and they will only accept a paper when reasonably certain. They will preserve anonymity of reviewers and promote publication of corrections, clarifications, retractions and apologies when needed. The acceptance of a paper automatically implies the copyright transfer to the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan.

The Editorial Board of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan will monitor and safeguard publishing ethics.

Правила оформления статьи для публикации в журнале смотреть на сайте:

www.nauka-nanrk.kz

<http://www.bulletin-science.kz/index.php/ru/>

Редакторы *М. С. Ахметова, Д. С. Аленов*
Верстка на компьютере *Д. Н. Калкабековой*

Подписано в печать 21.07.2015.
Формат 60x881/8. Бумага офсетная. Печать – ризограф.
12,9 п.л. Тираж 2000. Заказ 4.